

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ В «СИБИРСКИХ РАССКАЗАХ» В.Г. КОРОЛЕНКО

ИВАНОВА Оксана Иннокентьевна ¹

Assoc. Prof. Oxana Ivanova

Аннотация

В статье на материале рассказов «Сон Макара», «Соколинец», «Марусина заимка» В.Г. Короленко проанализированы отдельные стороны этнокультурного контекста в «Сибирских рассказах» писателя. Рассматриваются представители таких национальностей, как якуты, русские, татары. Выделяются черты, типичные для представителей той или иной национальности. Подчеркивается зависимость ведущих черт национального характера от среды, условий якутских обстоятельств, сурового климата.

Ключевые Слова: В. Короленко, этнокультурный контекст, ментальность, национальный характер, якутская действительность.

¹ Russian and Foreign Literatures Department, Faculty of Philology, Northeastern Federal University named after M.K.Ammosov, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, oxanaiva@mail.ru

ETHNOCULTURAL CONTEXT IN “SIBERIAN TALES” OF V.G. KOROLENKO

ABSTRACT

The special features of ethnocultural context in the “Siberian Tales” of V.G. Korolenko based on the stories “Makar’s Dream”, “Sokolinets”, “Marusya’s wood house” are analyzed in this paper. The representatives of such nationalities as Yakuts, Russians and Tatars are regarded. The specific peculiarities of the representatives of these nationalities are pointed out. The dependence of the main national character features from the environment, severe climate and Yakut conditions is underlined.

Key Words: V.G. Korolenko, ethnocultural context, mentality, national character, Yakut reality.

Трудноуловимая и столь же трудно формулируемая художественная «логика» произведений В.Г. Короленко, написанных под впечатлением его якутской ссылки, отражает движение мыслей писателя в его размышлениях об особенностях национальных характеров. В литературе конца XIX века нерусские герои представляют большой интерес для писателей, таких, как И.А. Гончаров, Н.С. Лесков, А.П. Чехов. Короленко, который пробыл в якутском селе Амга в ссылке почти три года (с ноября 1881 года по сентябрь 1884 года), вводит в своих рассказах образы местных обьякутившихся русских крестьян, якутов и сибирских татар. В своих воспоминаниях («История моего современника», т.IV, гл. «Слобода Амга и ее обитатели») В.Г. Короленко пишет, что амгинские крестьяне, называвшие себя «пагынай» – пашенный, «в сильной степени успели утратить черты русской национальности. Мужчины еще говорили по-русски, хоть и с сильным якутским акцентом. Женщины говорили только по-якутски...». В книге «Русские крестьяне в Якутии (XVIII-начало XX вв)» Ф.Г. Сафронов приводит мнения исследователей Я.В. Стефановича и И.И. Майнова о процессе обьякучивания русских пашенных крестьян. Я.В. Стефанович писал: «Язык, одежда, привычки амгинца при беглом, по крайней мере, наблюдении ничем не отличают его от якута. Да и сам амгинец на вопрос: ты русский? отвечает: «Суох, багынай» (то есть «нет, пашенный»)». Обьякучение амгинцев не ограничивается утратой родного языка; оно означает вместе с тем и усвоение всего внутреннего содержания и всех внешних проявлений якутской жизни». Приводятся также результаты наблюдений И.И. Майнова: «По своему духовному складу амгинец также

далек от коренного великорусса, как и по своим физическим признакам. Из 86 домохозяев... 54 человека, как выяснилось при переписи, совершенно не понимали русского языка, 19 человек объяснялись с трудом и понимали кое-как, и только 13 человек говорили по-русски более или менее сносно» [Сафронов 1961; 73].

В письме к сестре, Э.Г.Короленко, от 26 декабря 1883 года, писатель описывает жилье Захара Цыкунова, который послужил прототипом героя рассказа «Сон Макара»(1885), следующим образом: «...едва ли ты, не видевшая ссыльных «видов», можешь себе представить, как и в какой обстановке проходит это существование. Я описывал тебе юрту: эта юрта – одна из худших. В ней вместо окон две небольших льдины. Рядом – хоттон (хлев), двери которого в юрту никогда не закрываются, - от этого к коровам идет тепло из хозяйского жилья, а к хозяевам вонь из хлева. Камелек тоже никогда не закрывается, поэтому ночью у них устанавливается температура ниже нуля. В этом холоде, мраке и вони копошатся люди и в будни и в праздники. В будни пьет один хозяин, а жена-якутка его за это колотит. В праздник по вечерам я слышу, как оба супруга в добром согласии возвращаются из гостей оба пьяные в одинаковой степени» [Короленко 1935; 184].

В рассказе «Сон Макара» уже ощущается погружение писателя в сознание местного обьякутившегося пашенного крестьянина, в его надежды и чаяния. Этот рассказ отличают детальность, подробность этнографических деталей, особое внимание к неизвестному ранее, непривычному русскому зрению. Чувствуется интонация человека, пораженного суровостью края, неустроенностью местной жизни, удивленного оригинальными типами. Незаметно для самого Короленко якутские реалии входят в его сознание и определенным образом изменяют какие-то стороны его мирозерцания и отражаются в его поэтике.

Макар – обобщенный образ русских крестьян-переселенцев – бесправных, забитых, неграмотных, забывших свою родину и свой язык. Герой рассказа Макар «одевался в звериные шкуры, носил торбаса», а «в случае болезни призывал шамана» [Короленко 1971; т.1; 42]. Из последующих частей произведения мы узнаем, что он любит проводить время в татарской избе, распивая водку, разбавленную водой и настоящую на махорке, и распевая песни. «Работал он страшно, жил бедно, терпел голод и холод» [Короленко 1971; т.1; 42] - пишет Короленко. Короленко вовсе не идеализирует своего героя. Макар вороват (не прочь осмотреть плашки соседа), глуповат (лишь во сне, когда он обрел дар речи, старый Тойон убедился, «что Макар не такой уж

дурак, каким показался сначала»), он не умеет говорить хорошо ни по-русски, ни по-якутски. По образу жизни и привычкам он ничем не отличается от якутов, но, тем не менее, ругает их «погаными якутами». Особенно подчеркивается автором наивная хитрость Макара. После смерти (во сне), увидев, что он не оставляет следов, Макар думает, «что теперь ему очень удобно ходить по чужим ловушкам, так как никто об этом не может узнать» [Короленко 1971; т.1; 53-54]. На суде, взглянув в доброе лицо старого Тойона, герой рассказа ободрился и подумал, «что, быть может, кое-что удастся и скрыть» [Короленко 1971; т.1; 62].

В рассказе «Соколинец»(1885) В.Г. Короленко, давая характеристику якутского национального характера, пишет: « Якуты вообще говоря народ очень добродушный, и во многих улусах принято, как обычай, оказывать новоприбывшим поселенцам довольно существенную помощь. Правда, что без этой помощи человеку, закинутому в суровые условия незнакомой страны, пришлось бы или в самом скором времени умереть от голода и холода, или приняться за разбой; правда также, что всего охотнее эта помощь оказывается в виде пособия «на дорогу», посредством которого якутская община старается как можно скорее выпроводить поселенца куда-нибудь на прииск, откуда уже большая часть этих неудобных граждан не возвращается; тем не менее, человеку, серьезно принимающемуся за работу, якуты по большей части также помогают стать на ноги» [Короленко 1971; т.1; 179-180]. Здесь подчеркивается традиционное для якутов чувство взаимопомощи, без которой действительно не выжить в суровых условиях, а также гостеприимство. А стремление выпроводить поселенца происходит из-за того, что уголовные ссыльные, действительно, не самые желанные гости где бы то ни было.

В 1890 году появляется книга очерков В.Г. Короленко «В пустынных местах». Описанные в очерках глушь, «лесные люди», т.е. захолустье, кондовая Русь представились писателю имеющими много общего с якутской действительностью. Определяющим для якутов и ветлужан становится слово «добродушие». О ветлужанах в очерках говорится: «В жителях Приветлужья вообще очень много добродушия, и даже в этих лесных хищниках (лесных торговцах – О.И.), не кладущих охулки на руку, я замечаю какую-то особенную, специфическую складку в лице, какую-то вялую мягкость и добродушие» [Короленко 1971; т.3; 103].

Важнейшие стороны народной жизни воплощает в себе образ Аксена, одного из персонажей книги. Знаменитый медвежатник поражает Короленко своей добротой и в то же время наивностью. Его внешность автор называет «невзрачной»: «Добродушное лицо с жидкой белокурой бородкой, серые

ласковые глаза... Но во всех движениях разлиты какая-то особенная уверенность и спокойствие. Очевидно, что здесь, в лесу, среди этих бесчисленных сувоей, заводей, мысов, омутов, песков и лесов – он у себя, дома, что со всем этим он сжился, что его собственный пульс бьется в такт со всеми этими плесками, шорохами, глубокими вздохами пугающей нас ночи...»[Короленко 1971; т.3; 176]. Аксен – ходатель за мирское дело. Но по наивности своей он доверяет людям, которых автор-повествователь знает как темных личностей.

Возможно, работая над созданием образа Аксена, Короленко вспоминал знакомых ему якутов, отличавшихся мирным, добродушным характером. Основательность, неторопливость, спокойствие – черты, которые становятся особенно симпатичными Короленко в его характеристике якутов. Все более утверждалось, углублялось и наращивалось новыми аспектами мнение писателя о зависимости таких ведущих черт национального характера, как терпеливость, трудолюбие от условий обитания. Это мнение разделялось Короленко как общепринятое в литературе изначально, в якутской ссылке оно и расширилось, и углубилось. Личные наблюдения над якутским бытом и характером якутов дополнялись знакомством с якутским фольклором. В трактовке писателем незлобивости, доброты, беспримерного всепрощения, присущих якутам, эти качества характера получают своеобразное объяснение. Людская память, по Короленко, обладает удивительным свойством вытеснения негативных воспоминаний. Поэтому якуты не любят, не хотят и даже не могут сохранять в памяти важные, значительные исторические события, повлиявшие на судьбы нации, так как эти события отзывались душевной болью. К тому же для якутского традиционного сознания характерно своеобразное «табу» на называние страшного, опасного или великого – названий священных мест, страшных и могущественных зверей, смертельных болезней.

В предании «Омоллон», записанном в Амге, в частности, внимание Короленко привлекает башня: «Стоит она среди обширной равнины (аласа), с одной стороны, - от лиственничной тайги, подходящей к ней довольно близко, ее отделяет высохшее болото. Якуты называют эту башню: кыргыгы-амабар (кыргыгы амапар – О.И.), что значит военный амбар. Построена она в два яруса. На первом срубе был настлан потолок, бревна которого концами выдавались над стенами на аршин, и на этот потолок был поставлен другой сруб пониже. Теперь потолок провалился, бревна и без того тонкие, - истлели и опустились, все здание осело. На верхнем срубе вместо потолка был накидан тонкий жерунок, служивший для защиты от пущенных отвесно стрел. В каждой стене сделано по два отверстия – бойницы. Таким образом, всех

бойниц шестнадцать. Рядом с башней виднеется подполье, огражденное хорошим срубом, но теперь почти совсем засыпанное землею» [Короленко 1946; 402]. Здесь же Короленко замечает, что якуты плохо помнят события даже недавней своей истории, и об этой башне точных сведений у них тоже нет. Негативные воспоминания вытесняются из коллективного сознания. В индивидуальном же сознании они имеют свойство жить, сохраняться и всю жизнь терзают человека, но по-разному в разные периоды его жизни. Коллективное сознание – иная область, больше связанная с общественной жизнью. Короленко говорит не о коллективной, а об индивидуальной, личной, памяти отдельных людей, в которой тяжелые воспоминания живут, причиняют боль, страдания но не называются, о них нельзя говорить, чтобы не вызвать их повторения. Это своеобразный национальный обычай.

Сам Короленко предполагает, что башню эту построили русские: «Во время набегов небольшого отряда башня могла помочь удалцам «отлеживаться» в случае, если бы разрозненные якуты вздумали соединиться для нападения. Один из моих знакомых, человек интеллигентный, передавал мне, что ему случайно довелось прочитать донесение казачьего десятника об усмирении именно балагурских якутов, донесение, гласившее, что «балагурские якуты приведены в покорность», причем «побито их без числа, а начальник со всем семейством, будучи заперт в юрте, сожжен живым» [Короленко 1946; 409-410].

Таким образом, перед нами башня, которая могла бы рассказать о периоде завоевания и усмирения якутов русскими. Об этом периоде, в частности, исследователь истории Якутии В.И. Пестерев пишет: «Казак-завоеватели представляли из себя беглых крестьян, «опальных людей», бродяг и просто искателей приключений. Алчность и ненасытная жажда к наживе не останавливали их ни перед какими препятствиями и жертвами. Притягательной силой для них была «мягкая рухлядь» – пушнина. С приходом «на неизведанные земли» и среди «неведомых народов» казаки старались первым делом силой или обманом захватить аманатов (заложников, особенно из среды «местных князьков»). В соответствии с количеством аманатов, инородцев облагали «ясаком», т.е. просто контрибуцией. Если же туземцы «...отошли на дальние реки неведомо куда...» или отказывались платить яsak, то аманатов морили голодом, пытали и убивали» [Пестерев 1992; 63].

События периода колонизации у любого народа порождают не самые приятные воспоминания. Поэтому вполне понятно, что якуты не старались их запомнить, тем более что, как отмечает в статье «Русские и мы» Н.Н. Романов: «Мы, якуты, видимо выработали своеобразный механизм вытеснения обид,

невостребованных желаний и т.д. в область бессознательного...»[Романов 1993-94; 35]. «Механизма вытеснения обид» человек не может выработать по самой своей природе. Здесь, по всей видимости, действует внушенный человеку с детства якутский обычай, отраженный и в фольклоре. Якуты, говорящие о башне, вероятно, не были свидетелями страшных событий по возрасту или не говорили о башне сознательно, соблюдая обычай.

Впрочем, впоследствии Короленько замечает склонность быстро забывать собственную историю и у русских. В очерках «В голодный год»(1893-1907) писатель замечает: «Да, наша русская жизнь, несомненно, обладает той особенностью, о которой мне приходилось уже говорить: все следы на ней затягиваются быстро, полно и незаметно.<...>Письменность слаба, мемуаристов мало, и проходит событие за событием, туча за тучей, гроза за грозой, не отмечаясь в народной памяти, и если оставит какая-нибудь буря свой отголосок в народной песне, то такой смутный, глухой и неопределенный, что по нем даже не узнаешь, в чем тут дело...» [Короленько 1971; т.5; 286-287]. У русских забвение истории, наверное, объясняется другим – быстрой сменой обстоятельств жизни, обилием и разнообразием нового, вытесняющего как негативное, так и позитивное. Не так ли и сам Короленько прикладывал определенные усилия для сохранения в памяти некоторых тягостных якутских впечатлений (делал записи, вел дневники). В мировосприятии писателя происходил сложный процесс отложения в памяти одних явлений и отторжения других, и качественные изменения в сознании Короленько давали новые особенности его творчества.

Сила и своеобразие характера народа незаметно вливались в самого писателя и становились основой своеобразного равновесия полярных чувств. Рождалась исходная позиция одной из особенностей поэтики Короленько – романтико-реалистического равноправия как выражения равносилia чувств протеста, критических эмоций и спокойной сдержанности.

В.К. Кантор, размышляя о ментальности русского человека, говорит: «Российская ментальность амбивалентна. В ней сильно отторжение от другой культуры, восприятие человека другой культуры как чужака» [Российская 1994; 50]. Мотив неприятия чужих обычаев мы наблюдаем в неоконченном рассказе Короленько «Белая пташка». Здесь описывается случай, когда у политических ссыльных гостей два якута и русский поселенец Гаврило. Хозяева угощают гостей чаем с сахаром и оладьями. Якуты выражают благодарность по поводу угощения отрыжкой, и этот факт очень сильно раздражает Гаврилу. Он говорит: «... по нашему месту невежества не любят. А здесь, известное дело... гиблая сторона...»[Короленько 1946; 430]. Здесь

возникает мотив восприятия поселенцем Якутии как гиблой, ненавидимой стороны, в которой пребываешь только по принуждению. Когда один из якутов, тот, что помоложе, робко тянется к сахару, Гаврило резко кричит на него и комментирует свой окрик так: «Бить их надо, не то что кричать... Я так полагаю» [Короленко 1946; 431]. Налицо ненависть, презрение поселенца не только к здешней стороне, но и к ее обитателям. В «Сказе о народе саха» У.А.Винокуровой имеется следующее высказывание: «Видимо, стремление «поставить на место» живучего якута породило легенду о низком, полуживотном уровне развития сибирских инородцев. Она служила идеологическим оправданием их истребления. Разносторонний ученый-этнограф В.Г. Тан-Богораз, проживший в ссылке в Якутии и исследовавший жизнь ее коренных народов на протяжении нескольких десятков лет, подчеркивал, что «даже названия племен в устах белых принимают уменьшительную или уничижительную форму. На северо-востоке Сибири о туземцах всегда говорят уменьшительно: «чукчишки», «тунгусишки», даже «якутишки», несмотря на национальную силу якутов». Психология колониста не могла быть свободной от чувства превосходства своей нации над угнетаемыми и поработченными ими. При этом пока покоренные им народы всецело подчинялись эксплуатации, они могли получить характеристики, свойственные непосредственно детям природы. Политика же по отношению к ним могла получить патерналистские черты, т.е. отношения покровительства с высоты своего доминирующего положения» [Винокурова 1994; 144].

Далее в рассказе «Белая пташка» Гаврило называет князя-якута паршивцем. Молодой ссыльный Кузнецов и повествователь пытаются заступиться за якутов, говоря, что они такие же люди, как и Гаврило, но вызывают еще большее раздражение последнего, который высказывается следующим образом: «... Нам, господин, об них обо всех так полагать невозможно, чтобы, например, его к расейскому человеку прировнять. Это вот грех по-нашему... А по-нашему вот как: здесь какое место... болото, трясина, ржа... самое это от господ проклятое место, гиблая сторона... В которой стороне расейскому человеку жить очень неприятно... От сырости эти народы и заводятся » [Короленко 1946; 434]. Якутия, с которой столкнулся Короленко, была истинной страной «униженных и оскорбленных», где не действовали законы, принятые в европейской части России. Те же законы, которые были, только еще более угнетали и подавляли человека. К беззаконию нужно прибавить и произвол местных чиновников, которые всегда трактовали законы в свою пользу. Кроме того, Короленко имел возможность наблюдать и то, что здесь на социальный гнет накладывается еще и национальный.

В рассказе «Марусина заимка» (1899) описывается конфликт между местным населением – якутами и пришлыми татарами. В этом рассказе В.Г. Короленко наблюдает конфликт между татарами и якутами как бы «якутскими глазами». Короленко смотрит на татар с определенным «пристрастием», выделяя в них прежде всего то, что их отличает от якутов. Он пишет: «Татарское население слободы было самое разношерстное. Тут были и киргизы, и ачинские татары из азиатской степи, и старинные поселенцы Иркутской губернии. Всех их привела сюда, выбросив из более или менее мирной среды их соотечественников, не заглушенная культурой страсть к баранте. Здесь их объединила религия и нужда, - но и в их среде были подразделения, вражда и ссоры» [Короленко 1971; т.1; 358].

Один из героев рассказа, русский человек Степан, поссорившись с татарами, какое-то время верховодит якутами, помогает им защищаться от воровских татарских набегов. До того, как Степан возглавил их, мирные и робкие якуты старались только защищаться. И защита их была, по словам Короленко «... почти всегда неумелой и трусливо-наивной. Их одинокие, разбросанные юрты переживали весь ужас беззащитного ожидания. Проезжая иной раз ночью по насележным дорогам, можно было услышать вдруг отчаянные вопли, точно где-то режут сразу несколько человек. Это население юрты, в которой две или три семьи сошлись на долгую холодную зиму, предупреждало неведомого путника, едущего мимо по темной дороге, о том, что они не спят и готовы к защите. Только эти угрозы производили скорее впечатление испуга, почти мольбы» [Короленко 1971; т.1; 349-350]. Когда же Степан стал «якутским генералом», «... якуты переменились, как будто кто вдохнул небывалое мужество в сердца этих робких и запуганных людей» [Короленко 1971; т.1; 359]. Симпатии автора, скорее, на стороне угнетаемых татарами якутов, но среда признала за политическими ссыльными нейтралитет, и, как бы ни было иногда трудно и горько, автобиографическому герою и его товарищам приходится оставаться в роли безучастных свидетелей. Но порой эта роль сильно угнетает Короленко, он пишет: «Я не пловец в этом море, моего места нет в этой борьбе; я здесь не умею ступить ни шагу. И казалось мне, что нигде, во всем этом, затянутом метелью, беззащитном мире нет никого, кто встал бы смело и открыто за свое право... Те, казалось мне, кто хотел бы что-нибудь сделать, - неумелы, бессильны, малодушны. А те, кто могут, - не хотят... Каждый только дрожит за себя, и нет никого, кто бы понял, что его дело – часть общего дела...» [Короленко 1971; т.1; 353].

В дневниковой записи Короленко от 22 февраля 1883 года мы находим рассказ о создавшейся конфликтной ситуации между татарами и остальным населением, где уже якуты выглядят не столь беззащитными. Татарин Васька

рассказывает об одной якутке, которая захлопнула в амбаре троих татар (двое из них там сами повесились), а четвертого убила из ружья. Васька не осуждает, а хвалит за это якутку, по-видимому, считая ее поступок справедливым. С другой стороны, он объясняет и поведение татар:

« - Как не будет воровать, - говорит он. – Первое дело, - какие здесь суды!

Это соображение, конечно, справедливо и блистательно подтверждается его же примером. Сам он уличен в воровстве и только проехался в город, чтобы немедленно вернуться назад.

Второе соображение гораздо более глубоко.

- Не дают билетов. Уйти стало быть нельзя, заработать негде. Стало быть, остается воровать.

История выходит действительно довольно любопытная. Человек попался. Общество отправляет его в город, но оттуда присланный возвращается обратно тому-же обществу под надзор, впредь значит до решения дела. Дело решается годами, а надзор состоит в том, что данному субъекту общество не вправе выдавать билета на отлучку, значит должно держать его на своей шее. Кормить его, конечно, не обязаны, но уж он сам позаботится, чтобы кормиться посредством краж и взломов. Есть надо, а уйти на заработки нельзя. Таким образом, обращение за содействием к власти только усиливает зло: власть не устранил вора, а наоборот еще прикрепит его к тому же месту, связав руки для заработка, но конечно, не лишив возможности воровать. Есть надо, да и смелости прибавилось: 7 бед, один ответ» [Короленко 1925; 286-287].

В этом отрывке Короленко критикует общественное устройство, представителей власти, которым выгодно сложившееся положение вещей, законы, которые порождают воровство. Терпение даже самого смиренного человека может лопнуть, и он идет на самые отчаянные шаги для защиты своего имущества. Далее Короленко пишет: «В России то и дело приходится встречаться с случаями зверской расправы, с случаями остервенения и жестокости, как будто несоответствующих народному характеру. Теперь мне становятся отчасти понятными эти случаи. Это злоба человека, которого долго держали со связанными руками, у которого «накоплялось» на душе во время «законной волокиты», которого возмутила, раздражила, вывела из себя постоянная безнаказанность его врагов. Как ни смиренны якуты, - но и у них

начинается уже самосуд. Тот же добродетельный Васька в течение двух недель летом не мог сидеть, так как в седалищных частях у него находилось порядочное количество якутской дрови. Другой молодой татарин ходил с подвязанной головой, у третьего – рука на перевязке. <...> Таким образом, единственный выход, оставленный населению между притеснениями воровских татар и корыстными потачками начальства, - уже найден. Пока якуты вступают на этот путь робко, но не надо быть очень проницательным, чтобы предсказать дальнейшие шаги в том же направлении» [Короленко 1925; 287-288].

В рассказе «Марусина заимка» представитель власти – заседатель – объясняет сложившуюся ситуацию многочисленностью ссыльных, так как по закону положено, что их должно быть не больше, чем одна треть местного населения. На деле их почти столько же, сколько и слобожан. Всех захваченных якутами татар выпускают по той причине, что тюрьмы переполнены спиртоносами.

Уголовная ссылка была тяжким крестом для коренных жителей Якутии. Об этом, в частности, писал политический ссыльный Р.А. Стеблин-Каменский в статье «Заметка о влиянии уголовных ссыльных на якутское население» [Ширина 2001; 27]. Он характеризует уголовных как затравленных, исковерканных тюрьмой и этапами личностей, давно уже не способных к труду. Между тем по законам того времени уголовных ссыльных нужно было наделять землей, тогда как земли, пригодной для распахки, не хватало даже для удовлетворения нужд местного населения. Местные жители должны были также периодически поставлять ссыльным масло, молоко и другие продукты. Стеблин-Каменский отмечает, что поселенцы «...слонялись..., пьянствуя, безобразничая и нередко совершая преступления» [Цит. по: Ширина 2001; 27]. В своей статье он также публикует строки из документа 1886 г., где говорится о том, что отношения между поселенцами и инородцами напоминают глухую борьбу, которая может перейти в кровавую расправу [Ширина 2001; 28].

Таким образом, писатель подчеркивает в характере якутов такие симпатичные ему черты, как добродушие, гостеприимство, основательность, спокойствие. Добродушие же он выделяет и в жителях Приветлужья в очерках «В пустынных местах». Также, наблюдая за якутами, Короленко замечает, что они не помнят даже событий недавнего прошлого, возможно, потому, что эти события отзываются душевной болью. Подобные выводы встречаются и в очерках «В голодный год», когда автор пишет о забвении истории у русских. Но в данном случае, по всей видимости, это объясняется обилием новых

впечатлений и более быстрым ритмом жизни. В рассказе «Белая пташка» писатель говорит о высокомерии русских поселенцев. Здесь один из персонажей, Гаврило, считает, что такие народы, как якуты, заводятся от сырости, что бить их надо, не то, что кричать. Представляют интерес размышления В.Г. Короленко о несправедливых законах, действовавших в конце XIX века на территории Якутии. По вине невинных законов происходят конфликтные ситуации между местными якутами и сосланными за воровство татарами. Мирные якуты стараются защищаться от воровских набегов, но выглядят при этом робкими и трусливыми. Подобного рода конфликт описывается в рассказе «Марусина заимка». Только когда русский человек Степан возглавил оборону якутов, они стали выглядеть более мужественными. А в дневниковых записях приводятся примеры самосуда, который устраивали якуты над татарами. По сути, и теми, и другими двигала безвыходность создавшейся ситуации.

Литература

Короленко В.Г. Дневник (1881-1893 гг.). – Полтава: ГИЗ Украины, 1925. – 304 с.

Короленко В.Г. Письма из тюрем и ссылок. 1879-1885. – Горький: Горьк. изд-во, 1935. – 210 с.

Короленко В.Г. Сибирские очерки и рассказы: В 2 ч. Ч.2. – М.: Гослитиздат, 1946.

Короленко В.Г. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Правда, 1971.

Винокурова У.А. Сказ о народе саха. – Якутск: Национальное книжное изд-во «Бичик», 1994. – 144 с.

Пестерев В.И. Исторические миниатюры о Якутии. – Якутск: Национальное книжное изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 152 с.

Романов Н.Н. Русские и мы// Илин. – 1993-94. – С.30-37.

Российская ментальность (материалы «круглого стола»)// Вопросы философии. – 1994. - №1. – С.25-53.

Сафронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVIII – начало XIX вв.). – Якутск: Якутское книжное изд-во, 1961. – 494 с.

Ширина Д.А. Р.А. Стеблин-Каменский об уголовной ссылке в Якутии// Якутский архив. – 2001. – №2(3). – С.25-28.